

УДК 94 (47)

**СМЕРТЬ ЯЗЫЧЕСКОГО КНЯЗЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ
В РАМКАХ «ДРУЖИННОЙ КУЛЬТУРЫ» (IX-XI вв.).**

© 2021 Фогель А.С.

Самарский медицинский университет «Реавиз»

Статья поступила в редакцию 29.08.2021

Данная работа посвящена исследованию особенностей отображения смертей первых языческих представителей княжеского рода Рюриковичей в дружинном сознании. Основное внимание уделено особенностям положения дружины в традиционном обществе Древней Руси и ее взаимодействию с князьями. Выделены основные аспекты дружинной культуры. В работе раскрыто символическое и мифологическое значение жизни и особенно смерти князя в восприятии дружины. Рассмотрены основные варианты и наборы действий дружины в отношении мертвого князя. Проблема рассмотрена на основе современных достижений отечественной науки.

Ключевые слова: князь, Рюриковичи, Древняя Русь, представления, дружина, государство, дружинная культура, язычество, религиозные обряды, раннее средневековье.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-5-13

Жизнь и смерть первых представителей династии Рюриковичей в большой степени легендаризирована и мифологизирована. Во многом это связано с недостатком и отрывочностью информации о них в источниках. Основной массив письменных сведений, которым располагают исследователи, относится или к летописной традиции, далеко отстоящей от времени происходивших событий (в среднем от 250 до 100 лет), или же к свидетельствам разнородных и разножанровых иностранных источников, для которых Древняя Русь отнюдь не являлась приоритетным направлением повествования.

При этом сведения по интересующей нас теме в большой степени так или иначе почерпнуты из дружинной среды¹, так как сами князья, особенно в этот период, не оставили после себя записей и оценок. Это касается как древнерусских летописей – именно дружина была средой, наиболее приближенной к князю и стремящейся со-

хранить и донести память об их деяниях до потомков, так и во многих случаях и зарубежных известий – чаще всего в этот период иностранцы сталкивались с русами не на их собственной территории, а в нейтральных пространствах или же видели их непосредственно у себя на родине, где русы были представлены или дружинниками, или же купцами, тесно связанными, а часто и напрямую относящимися к дружинной среде: в силу слабой разделенности войны и торговли в период раннего средневековья².

Дружинная среда в рамках «большой дружины» в IX-XI вв. на Руси проходит активную фазу становления и развития, формируя своеобразную и неповторимую дружинную культуру³. Как активная и становящаяся сила, резко противопоставляющая себя предшествующей родовой традиции, и относительно устойчивое образование⁴, дружина неизбежно формировала систему определенных гласных и негласных ценностей, правил и норм поведения как дружинников по отношению к внешнему миру и друг к другу, так и князя по отношению к дружине⁵ (исходно этот могло быть, так

Фогель Александр Сергеевич кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Самарского медицинского университета «Реавиз», E-mail: alexandr_fogel@inbox.ru

сказать, «анти-нормы», но с течением времени они дополнялись, устанавливались, закреплялись и трансформировались под конкретную ситуацию), а также очень разнотипный дружинный фольклор⁶, отголоски которого дошли до наших дней.

Специфическими чертами дружины как отдельной и самостоятельной культурной среды были ее элитарный⁷ (причем вполне осознаваемый именно как таковой – статус дружинника был престижным и привилегированным в древнерусском обществе уже сам по себе⁸, даже и без заслуг каждого конкретного дружинника), но открытый (в принципе в дружину мог попасть, при выполнении определенных условий, фактически любой мужчина⁹, а в некоторых случаях и женщина¹⁰) характер, также сюда можно отнести ее полиэтничность – здесь в равной степени уживались восточнославянские, финно-угорские, тюркские, северо-кавказские и скандинавские компоненты¹¹. При этом образцом и ведущей, ударной силой, особенно на ранних этапах развития, в военном, техническом и культурном отношении выступали как раз выходцы из Скандинавии¹².

Для дружины также был свойственен, особенно в этот период, определенный демократизм в отношении друг друга. «Все мы те, кто не может уживаться в рамках родового строя и все мы связаны личной преданностью князю (отношения «службы-дружбы»¹³) и в этом смысле равны друг перед другом и лицом предводителя»¹⁴. Дружина осознавала себя прежде всего как сообщество воинов, собратьев (причем эта «псевдородственность» также осознавалась и даже подчеркивалась дружинниками как своеобразная замена роду – вся дружина воспринимала себя в том числе и как большая семья) по оружию, профессиональных воинов, а уже затем как придворных, представителей княжеской администрации на местах, дипломатов и т.д. Да и нельзя рассматривать дружинников как полноценный аппарат управления. Они исполняли поставленные задачи только по мере

необходимости и от случая к случаю (все-таки чиновник и офицер далеко не одно и то же)¹⁵. В дальнейшем, по мере развития государственных институтов, все это изменится, начнется резкое разделение дружинников на бояр и собственно войско (отроки, гриди), но пока, в начальный период развития древнерусской государственности, это была относительно малочисленная (исследователи оценивают численность «большой дружины» даже во времена Владимира Святославича и его сына Ярослава Мудрого в 1000-1500 человек¹⁶, до этого гораздо меньше), элитарная, максимально военизированная, мобильная, активная и профессиональная корпорация, непосредственно и максимально тесно связанная с князьями-Рюриковичами и ориентированная не только на коллективные, но и на личные достижения.

Основной чертой формирующегося дружинного сознания в период раннего средневековья была максимальная героичность¹⁷ – дружинник всем дружинным фольклором и общей обстановкой был ориентирован не на рутинное «прохождение службы», а на подвиги и действия в чрезвычайных обстоятельствах, каковыми являлись война, дальняя международная торговля, даже сбор дани с окружающих племен. На членов полиэтничной дружины, которая действовала на обширной территории формирующегося Древнерусского государства, не распространялись ограничения, накладываемые в традиционном обществе на лиц разного происхождения и разного социального статуса¹⁸.

Дружина и мыслилась (и главное, воспринималась самими ее участниками) как единственный в своем роде институт, максимально приспособленный к регулярным действиям на «чужой» и магически враждебной территории, лежащей часто далеко за пределами «своего», родового, государственного, освоенного, привычного и хотя бы относительно правильно организованного пространства. Это дополнялось еще и тем, что мышление дружинников было

в достаточно большой степени эсхатологичным (сказывалось скандинавское влияние)¹⁹ – привычный (родовой) мир разрушался, в том числе и из-за действий самой дружины – то есть результаты можно было видеть непосредственно своими глазами. В этом магически нестабильном пространстве, где уходят (и достаточно резко) привычные ориентиры и обыденных знаний уже не хватает, можно было встретить каких угодно людей, духов, богов и чудовищ. И рассчитывать в этом неустроенном и зыбком мире приходится только на себя, боевых товарищей и князя как предводителя дружины.

С точки зрения жителей привычного, освоенного пространства каждый поход в чужие земли, за границы общины, воспринимался как путешествие в «царство мертвых» (иной мир)²⁰, а действовать в этом загробном мире могли только мертвые или же «временно мертвые». Так с точки зрения родового и дружинного мышления дружинники – это те, кто и «жив», и «мертв» одновременно. И вести себя в «живом» и «мертвом» пространствах нужно было по-разному, сообразно среде и обстоятельствам. Дружинники во многом ориентированы именно на такую жизнь, где все только «здесь и сейчас», без детально проработанных планов на будущее, ибо только так и можно выжить. Так что участники дружины воспринимались самими собой и окружающими как своеобразные «оборотни», «чужие» (так, древляне обвиняли Игоря Старого, что он «князь-волк»²¹). В этой ситуации положение дружинников было временами парадоксальным: они одновременно и всем чужие люди, которых можно отправить на выполнение максимально непопулярных и опасных заданий (сбор дани с других племен, посольство в чужие страны (ситуация «Бертинских анналов»), исполнение приговоров суда) – в этом смысле они те, кем можно и не жалко пожертвовать, если на них падет гнев богов или людей, то «наши» люди и «наше» пространство никак не пострадает – виноват

будет чужак, а от него всегда возможно отречься, и одновременно для князя и, таким образом, главы как раз «нашего» пространства именно эти люди, дружинники, были близки настолько, что воспринимались им как семья и были зачастую гораздо ближе родственников по крови.

При этом отношение к человеческой жизни, в том числе и своей собственной, у участников дружины было очень своеобразным – для них ценностью являлась не долгая жизнь и семья, а славная смерть в бою, с оружием в руках и попадание в воинский рай – Вальхаллу. Но при этом дружинники ни в коем случае не являлись самоубийцами – к смерти постоянно готовились (даже на уровне фольклора), но при этом стремились не приближать. Каждый живет свою, отмеренную ему жизнь. То есть все привычные ценности родового общества в дружине как бы перевертывались и заменялись анти-ценностями.

Таким образом, дружина воспринимала себя одновременно и как элиту и профессиональную корпорацию, новую знать, стоящую выше всех рядовых общинников, но и как сообщество изгоев, людей, обреченных на действия в незнакомых, враждебных и максимально опасных пространствах, постоянно готовых погибнуть и даже заранее «мертвых» (хотя бы и «временно»), при этом еще и готовых приспособливаться к разнообразным изменяющимся обстоятельствам. Но кроме группового сознания каждый дружинник воспринимал и самого себя отдельно от других: есть заслуги, память, репутация дружины, а есть и мои лично. Дружина была коллективом, но коллективом героев, так что групповое восприятие оставляло здесь место и для личного. Далекое не каждому дружиннику суждено было стать конунгом, но каждый должен был стремиться и заботиться о сохранении и преумножении собственной славы. Только дружина в этот период давала возможность благодаря личным качествам, а не только происхождению резко повысить свой социальный и правовой статус²².

При таком мироощущении неизбежно максимально значимой оказывалась фигура предводителя – вождя, конунга, князя, действующего по отношению к дружине на «реальном» и «мистическом» уровнях. Причем для дружины оба эти уровня были важны в равной степени.

В «реальном» мире князь для дружины выступал в первую очередь как предводитель дружины – одновременно «старший брат» и «отец» всем дружинникам²³, как воплощение и замена большой родовой семьи, где все связаны не кровными узами (хотя в дружине и процветал институт побратимства как его аналог), но общностью дела и постоянным близким общением. Причем близость была или же воспринималась как максимальная – арабский автор X в. Ибн Фадлан пишет: «Один из обычаев царя русов, тот, что вместе с ним в его очень высоком замке постоянно находятся четыреста мужей из числа богатырей, его сподвижников, причем находящиеся у него надежные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты из-за него [или: подвергаются смерти из-за него]. С каждым из них имеется девушка, которая служит ему, моет ему голову, и приготовляет ему то, что он ест и пьет, и другая девушка, которой он пользуется как наложницей в присутствии царя. Эти четыреста мужей сидят, а ночью спят у подножия его ложа»²⁴.

Князь виделся не просто «старшим родственником», но и олицетворением всей дружины и всего государства²⁵. Именно от него, его харизмы, его качеств, его действий зависело существование дружины и, что воспринималось самими дружинниками как нечто более важное – ее репутация в глазах общества и других дружин (ситуация со вторичным сбором дани Игорем Старым во многом была вызвана необходимостью поддержания репутации киевской дружины перед дружинниками Свенельда²⁶). А как носитель харизмы – и не обязательно только маргинальной, но шире – харизмы вождя²⁷, князь просто должен был быть для дружины образцом для подражания во всех делах – но в первую очередь в

героизме, подвигах, безрассудстве, пренебрежении смертью и т.д., то есть князь не только отдает приказы, он первый должен быть там, где опасно и жизненно необходимо перебороть себя, то есть должен уметь действовать лично и увлекать за собой, быть лучшим воином, мудрейшим полководцем, рачительным хозяином и наставником для своей дружины. При этом князь не может быть пассивным и просто сидеть на троне или же во дворце – он постоянно активен, но должен действовать, постоянно ища славы и богатства для себя и дружины, а не сидеть на одном месте, ибо такой вождь слаб в глазах собственных дружинников и недостоин быть вождем²⁸ – и в этом смысле Святослав Игоревич действительно был идеалом дружинного князя²⁹. При случае князь должен был даже не просто рисковать жизнью, а умереть за дружину и вместе с ней (Святослав Игоревич, Олег Святославич). Князь также являлся для дружины справедливым судьей и разрешателем разнообразных споров и конфликтов, то есть выступал и как источник права³⁰.

Князь должен был уважать дружину, прислушиваясь к ее мнению и интересам³¹. Князь, советующийся с дружиной по наиболее важным вопросам – достойный и правильный князь. Но одновременно главным в этой ситуации должен оставаться князь. Дружинники могут быть при нем только советчиками, но не могут целиком брать инициативу на себя³².

Князь легитимизировал дружину – без него как знатного и законного правителя дружина из элиты автоматически превращалась в очень сильную и боеспособную, но по сути в бродячую дружину, то есть разбойничью шайку и сборище изгоев без роду и племени³³. Одновременно князь был и кормильцем в полном смысле этого слова (традиция дружинных пиров на Руси и в Скандинавии³⁴). Также князь выступал как источник богатства, славы и статуса. Умение добывать богатство для своей дружины традиционно рассматривается как одно из главных достоинств и подтверждение истинности князя³⁵.

Но и в «мистическом» плане от князя зависело очень многое. Харизма князя состояла еще и в том, что именно он выступал в походах как медиум, колдун, шаман, то есть тот, кто мог договориться или же подчинить себе окружающие живые, мертвые, божественные и чудовищные сущности в мире хаоса³⁶. Ведь, выступая в поход и попадая в незнакомые пространства, ожидать можно было всего, и именно князь как проводник и посвященный должен был провести дружину через все опасности «царства мертвых» и вернуть их в обжитой, стабильный и привычный мир³⁷. И именно для этого оказываются жизненно нужны харизма и удача вождя. Если же вождю изменяют его счастье и удача – дружина обречена на скорую гибель³⁸ (смерть Игоря Старого или же Святослава Игоревича). Князь должен делиться своей славой и удачей со своей дружиной, причем не в какой-то момент, а постоянно³⁹. Князь живет не для накопления богатств, а для славы, а добыть ее и, что особенно важно, сохранить в веках могут только дружинники. В связи с этим князь также выступает как защитник и хранитель от злых сил всех доверившихся ему – и в первую очередь для своей дружины. Князь был не только медиумом и проводником из «живого» в «мертвое» царство, но еще и верховным жрецом бога Перуна, бога воинов, и в каком-то смысле еще и его воплощением на земле⁴⁰. Одновременно князь выступал как глава определенного пространства и, таким образом, являлся воплощением идеи государства и самим государством. По распространенным убеждениям, со смертью князя государство оказывалось на грани гибели, и необходим был определенный набор действий и ритуалов, чтобы оградить себя от этой опасности, по сути, равной разрушению мира и превращению его в хаос. Князь своим существованием и достойными деяниями поддерживает государство в порядке и равновесии⁴¹.

В ответ он может ожидать от подданных и дружины как наиболее близкого круга преданности вплоть до того, что дружина

в целом и каждый дружинник по отдельности будет действовать даже в ущерб самому себе и умрет, но не предаст своего князя.

Таким образом, князь выступает средоточием, центром и олицетворением дружины, вокруг которого активно формируется княжеский культ⁴², а род Рюриковичей в целом чем дальше, тем больше начинает восприниматься как божественный, и только его представители могут править на Руси⁴³.

В этой ситуации смерть князя становится действительно значимым событием не только в его жизни и жизни его кровных родичей, но и для «большой семьи» – дружины. И если смерть князя, особенно при первых Рюриковичах, ставила под сомнение саму идею существования государства, то для дружины это был тем более значимый и в этом смысле эпохальный момент.

К сожалению, состояние источников таково, что мы не можем говорить о каких-либо правилах действий дружины после смерти ее предводителя⁴⁴. Но на основании источникового материала возможно предположить несколько моментов и стереотипных наборов действий, связанных со смертью языческого правителя.

Князь, как и вся дружина, мыслился одновременно и как живой, и как мертвый, а учитывая его функции медиума, колдуна и шамана, после его смерти он автоматически становился мертвым колдуном. То есть если до этого он был в каком-то смысле в том числе и «получудовищем», то теперь он перерождался в полноценное «чудовище» и нежить. Причем мертвый колдун, по скандинавским и славянским поверьям, гораздо сильнее и опаснее, а главное – зловреднее живого. Поэтому с точки зрения традиционного мифологического сознания мы имеем очень большую вероятность получения ложного покойника, встающего из могилы и вредящего живым. Причем это не только мелкий бытовой вред, но и катаклизмы, стихийные бедствия, эпидемии и многое другое, то есть угроза миру в целом⁴⁵. Тем более он – медиум, общающийся с богами при жизни, а с какими богами и сущностями-

ми он будет общаться после смерти – непонятно и страшно. Поэтому князь должен умереть наиболее правильной смертью (обязательно в бою⁴⁶, чтобы без промедления оказаться в Вальхалле), необходимо устроить ему правильные похороны (примерно в том варианте, как они описаны в «Похоронах знатного руса» у Ибн Фадлана), необходимо показательно отомстить за него виновникам его смерти⁴⁷, если они известны (четыре «мести» княгини Ольги древлянам), и устроить поминальную тризну⁴⁸ – то есть максимально магически успокоить умершего правителя, удержать его от озлобления на живых и удалить те обстоятельства, которые бы «задержали» мертвого правителя «здесь».

Причем все это должен делать не только род по крови – дружина должна принимать в этом наиболее деятельное участие, иначе проклятие и несчастья будут преследовать и их. Дружинники должны сохранить память о выдающихся деяниях умершего и передать ее следующим поколениям в виде разнообразных фольклорных произведений – формировался «княжеский культ». Причем, видимо, могла действовать такая логика, что князь в языческий период, как воплощение именно нашей дружины и вообще существо сверхъестественное, просто не может умереть обычной смертью – «как все», поэтому и смерть его должна быть сверхъестественной, экстраординарной и не похожей на смерти «обычных людей», с одной стороны, и других князей – с другой (иначе как ее воспевать на фоне уже существующей фольклорной традиции). Необычность, «чудовищность» смерти героя, типичная для раннесредневекового эпоса европейских народов, придавала его образу «героическую» завершенность⁴⁹.

В этой ситуации смерть князя оказывается даже не столько доказательством его существования⁵⁰, а подтверждением его сверхъестественной природы и уникальности каждого князя в целом.

Дружина должна обеспечить и переход власти к следующему достойному прави-

телю. Ведь именно ему передавались, по языческим убеждениям, харизма и удача умершего вождя⁵¹. И, таким образом, в живом потомке князя как бы возрождался и сам мертвый властитель, его дух⁵². То есть служа и новому князю, мы продолжаем служить и князю старому, это не является предательством.

Но это привычный и наиболее понятный сценарий действий – после вознесения положенных почестей и совершения целой череды ритуалов мы целиком или же частично сплываемся вокруг наиболее достойного нового правителя, и привычная жизнь продолжается. Но так было далеко не всегда. С точки зрения героики и героического сознания допустимым был сценарий и полной гибели дружины в ходе экстраординарной смерти вождя – как дружины Игоря Старого и его сына Святослава Игоревича. Причем в обоих случаях мы имеем дело с «дружиной малой», ибо на такие опасные дела, как вторичная дань с сильного племени в нарушение всех договоренностей или же переход по враждебной Печенежской степи, не берут случайных людей, а только наиболее проверенных и приближенных.

Этот сценарий описан и Ибн Фадланом в уже приводившемся отрывке о быте «царя русов». И, кстати, описание Ибн Фадлана напоминает жизнь в Вальхалле, то есть князь и дружина как бы готовились к смерти уже при жизни, и именно поэтому «царь русов» в отрывке такой бездеятельный – он как бы уже мертв. То есть гибель всей дружины в бою, где погиб князь, или же так называемое «самоубийство (или убийство) вослед» тоже являлось типичным или по крайней мере вполне допустимым для дружинной культуры и дружинного мышления (мы сейчас не затрагиваем вопрос о том, насколько применим был такой образ мышления на практике). Таким образом, существовал вариант, что не стоит жить и выживать, раз умер наш предводитель. «Мертвые сраму не имут» и «куда князь, туда и дружина». И на дружину тогда не падут проклятие и обвинения в том, что не уберегли князя и не до

конца исполнили свой долг перед ним. И в этой ситуации поиск достойного потомка или родича умершего, в котором возродился бы дух умершего правителя, оказывается допустимой дружинным сознанием возможностью сохранить жизни и не самоубиваться всей дружиной.

Вариант «(само) убийства вослед» подтверждают и археологические находки, где есть погребения правителей с рядовыми дружинниками. Возможно, существовал (и даже применялся) вариант «замены» смерти всех членов дружины смертью одного наиболее близкого (возможно, также добровольца или даже по жребию), который бы последовал за своим вождем в смерть, чтобы сопроводить его в Вальхаллу.

Кроме того, чтобы обезопасить живых от враждебных действий со стороны мертвого князя, необходимым считалось обеспечить ему достойное загробное существование. Первым и обязательным пунктом здесь было обустройство княжеской могилы. Самыми массовыми памятниками древнерусской культуры IX-XI вв. были курганы. Уже те физические усилия, которые затрачивало древнерусское общество на сооружение курганов – памятников предкам, свидетельствуют о важности тех проблем, которые были связаны со смертью сородича (особенно вождя, воеводы или князя). Само по себе сооружение надгробного памятника во всяком обществе было залогом связи поколений – общности предков и потомков⁵³.

Загробное существование князя мыслилось двояко – с одной стороны, покойный князь жил в собственной могиле-кургане, здесь с ним можно было общаться и навещать, с другой же стороны, он должен был отправиться в Вальгаллу, которая находится где-то неопределенно далеко. В некоторых случаях эти два варианта парадоксально совмещались и курган мыслился как такой «филиал» Вальгаллы с воспроизведением обстановки в ней⁵⁴. Для достойной жизни в загробном мире, где бы он ни находился, нужно было обеспечить мертвого правителя «правильными» проводниками

– в этой ипостаси выступали наиболее приближенные к нему при жизни дружинники и слуги, жена или «посмертная жена» (причем не просто жена, а девушка-медиум, какой она описана в «Похоронах знатного руса»⁵⁵), конь⁵⁶ (аналогии со смертью князя Олега). В захоронении обязательно должны присутствовать предметы вооружения (так как правитель не должен любить богатства, но должен любить оружие⁵⁷), а также драгоценности и ткани (чтобы показать статус умершего в загробном мире)⁵⁸. Другое дело, что, если судить по археологическим находкам и скандинавским источникам, в дальнейшем это богатство могло быть изъято в рамках ритуала «обезвреживания покойника» -- вождь, даже мертвый, не должен любить богатства, вещи теряют свой смысл, если лежат в могиле без использования, да и предметы, «побывавшие» в загробном мире. приобретали магические свойства, превращаясь в талисманы⁵⁹.

При этом отношение к самому умершему было двойственным – с одной стороны, действовало стремление обезопасить влияние смерти на благополучие коллектива (запереть умершего в могиле-кургане, успокоить, отправить в Вальгаллу, обычай обезвреживания покойника), а с другой – было желание сохранить умершего вождя среди своих близких, чтобы даже после смерти действовало его благотворное влияние⁶⁰. Мертвый одновременно рассматривался как опасный, но и полезный. Поэтому княжеские гробницы были не только местами памяти и почитания, но и местами культа и в дохристианский период⁶¹. И в этой ситуации поступок Ярослава Мудрого с изъятием тел своих умерших без крещения родственников из могил, посмертное крещение и обратное захоронение уже по христианскому образцу может быть рассмотрен как вполне закономерный акт такого общения с мертвыми⁶².

То есть жизнь в загробном мире предполагала в том числе и активное взаимодействие с миром живых⁶³ – мертвых навещали, в их честь слагались песни и устраивались

пиры, за ними следили, чтобы они не навредили живым, к ним могли подзахоранивать потомков и родственников умершего, от них ждали пророчеств и ответов на насущные вопросы, ибо магическая сила в загробном мире не теряется, а только возрастает. Вождь, даже умирая, не терял целиком своей личности и качеств вождя. Поэтому они и оставались такими значимыми для дружинной традиции длительное время.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Мельникова Е.А. Устная традиция в ПВЛ: к вопросу о типах устных преданий. //Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 155.
- ² Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., Наука, 1977. С.35.
- ³ Фетисов А.А. «Дружинная культура» Древней Руси. //ДГВЕ 2010. М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 407-410.
- ⁴ Вдовченков Е.В. Происхождение дружины и мужские союзы: сравнительно-исторический анализ и проблемы полигенеза в древних обществах. //Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Международная конференция. Материалы. М., ИВИ РАН, 2012. С. 28.
- ⁵ Никольский С.Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси. // Средневековая Русь. Выпуск 4. М., Индрик, 2004. С. 25.
- ⁶ Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традиции. //ДГ, 2001 г.: Историческая память и формы ее воплощения. М., Вост. лит., 2003. С. 52.
- ⁷ Горский А.А. Этнический состав и формирование этнического самосознания древнерусской знати. //Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007. С. 226
- ⁸ Никольский С.Л. Указ. соч. С. 43.
- ⁹ Там же. С. 46.
- ¹⁰ Петрухин В.Я. Варяжская женщина на Востоке: жена, рабыня или «валькирия»? //Петрухин В.Я. «Русь и все языки»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 99.
- ¹¹ Плахонин А.Г. Этничность как фактор формирования элит Центральной Восточной Европы в IX-XIII вв. // Общественно-политическая мысль в России: традиции и новации. Т.1. Средневековая Русь: проблемы идентичности. Ижевск, Удмуртский университет, 2007. С. 142.
- ¹² Пенской В.В. Военно-техническая революция второй половины IX-X в. и проблема образования Древнерусского государства. //Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Международная конференция. Материалы. М., ИВИ РАН, 2012. С. 200-201.
- ¹³ Свердлов М.Б. Становление и развитие правящей элиты на Руси в VI-XIV вв. //Правящая элита Русского государства IX-начала XVIII в.: Очерки истории, СПб., «Дмитрий Буланин», 2006 .С. 52.
- ¹⁴ Никольский С.Л. Указ. соч. С. 47.
- ¹⁵ Крадин Н.Н. Динамика процессов становления раннего государства на Руси. //Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Международная конференция. Материалы. М., ИВИ РАН, 2012. С. 124.
- ¹⁶ Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X-XI вв. М., Индрик, 2012. С. 311.
- ¹⁷ Сапронов П.А. Русская культура IX-XX вв. Опыт осмысления. СПб., 2005. С. 239.
- ¹⁸ Никольский С.Л. Указ. соч. С. 41.
- ¹⁹ Петрухин В.Я. Об особенностях славяно-скандинавских отношений в раннесредневековый период (IX-XI вв.). // ДГСССР, 1981.С. 176.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Петрухин В.Я. Древняя Русь: народ, князья, религия. //Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М., Языки русской культуры, 2000. С. 156.
- ²² Никольский С.Л.Указ. соч. С. 44.
- ²³ Модзелевский К. Зарождение государства в общине: князь в глазах соплеменников. //Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Международная конференция. Материалы. М., ИВИ РАН, 2012. С. 169.
- ²⁴ Стефанович П.С. Указ. соч. С. 305.
- ²⁵ Пузанов В.В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства. СПб., «Издательство Олега Абышко», 2017. С. 323.
- ²⁶ Там же. С. 228.
- ²⁷ Михайлин В.М. Русский мат как мужской обрядный код //Злая лая матерная... М.: Ладомир, 2005. С. 99.
- ²⁸ Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. М., 2007. С. 165.
- ²⁹ Котляр Н.Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX - I пол. X вв. // ДГВЕ 1992-1993. М., 1993. С. 47.
- ³⁰ Никольский С.Л. Указ. соч. С. 46.
- ³¹ Котляр Н.Ф. Указ соч. С. 47.
- ³² Долгов В.В. Указ. соч. С. 167.

- ³⁵ Королев А.С. Святослав. М., Молодая гвардия, 2011. С. 46.
- ³⁴ Долгов В.В. Указ. соч. С. 166.
- ³⁵ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 50.
- ³⁶ Пузанов В.В. Древнерусская государственность. Ижевск, Издательский дом «Удмуртский университет», 2007.
- ³⁷ Михайлин В.М. Указ. соч. С. 99.
- ³⁸ Петрухин В.Я. Древняя Русь: народ, князь, религия. //Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., Языки русской культуры, 2000. С. 253.
- ³⁹ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 50.
- ⁴⁰ Петрухин В.Я. Похороны руса. Погребения знати Эпохи викингов в описании Ибн Фадлана и данных археологии. //Петрухин В.Я. «Русь и все языцы»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 195.
- ⁴¹ Пузанов В.В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства. СПб., «Издательство Олега Абышко», 2017. С. 328.
- ⁴² Петрухин В.Я. Русь в IX-X вв. От призвания варягов до выбора веры. М., Форум; Неолит, 2013. С. 400.
- ⁴³ Сапронов П.А. Указ. соч. С. 215
- ⁴⁴ Стефанович П.С. Указ. соч. С. 310.
- ⁴⁵ Петрухин В.Я. О дохристианских истоках древнерусского княжеского культа. // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию В.В. Топорова. М., 1998. С. 884.
- ⁴⁶ Петрухин В.Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род. // ДГВЕ. М., «Восточная литература», 2000. С. 229.
- ⁴⁷ Пузанов В.В. От праславян... С. 325.
- ⁴⁸ Мельникова Е.А. Похороны князя-язычника в «ПВЛ». //ВЕДС. М., 2007. С. 151-156.
- ⁴⁹ Мельникова Е.А. Историческая память... С. 64.
- ⁵⁰ Пчелов Е.В. Олег Вещий. Великий викинг Руси. М., Молодая гвардия, 2018. С. 139.
- ⁵¹ Пузанов В.В. От праславян... С. 325.
- ⁵² Петрухин В.Я. Древнерусский пантеон: итоги и перспективы междисциплинарных исследований. //Петрухин В.Я. «Русь и все языцы»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 80.
- ⁵³ Петрухин В.Я. Древняя Русь... С. 246.
- ⁵⁴ Там же. С. 250.
- ⁵⁵ Велецкая Н.Н. О некоторых ритуальных явлениях языческой погребальной обрядности (к анализу сообщения Ибн Фадлана о похоронах «русса») //История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968. С. 199.
- ⁵⁶ Петрухин В.Я. Древняя Русь... С. 247.
- ⁵⁷ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 58.
- ⁵⁸ Петрухин В.Я. Русь... С. 314-317.
- ⁵⁹ Флеров В.С. Указ. соч. С. 62-63.
- ⁶⁰ Петрухин В.Я. Похороны руса...С. 76.
- ⁶¹ Петрухин В.Я. Древняя Русь... С. 254.
- ⁶² Петрухин В.Я. Русь... С. 399.
- ⁶³ Флеров В.С. Указ. соч. С. 56.

DEATH OF A PAGAN PRINCE IN ANCIENT RUS AND ITS REFLECTION IN THE “DRUZHINA CULTURE” (IX -XI CENTURIES)

© 2021 A.S. Fogel

Samara Medical University “REAVIZ”

The paper is devoted to the study of the peculiarities of the reflection of the deaths of the first pagan representatives of the princely dynasty of Rurikovich in the minds of the druzhina (prince's squad). The main attention is paid to the features of the position of the druzhina in the traditional society of Ancient Rus and its interaction with the princes. The author identifies the main aspects of the druzhina culture, reveals the symbolic and mythological meaning of life and especially the death of the prince in the perception of the druzhina. The paper covers the main options and complexes of actions of the druzhina in relation to the dead prince. The problem is considered on the basis of modern achievements of Russian humanities.

Keywords: prince, Rurikovich, Ancient Rus, representations, druzhina, state, druzhina culture, paganism, religious rites, early Middle Ages.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-5-13

Alexander Fogel, Candidate of History, Associate Professor, Department of Humanities.

E-mail: alexandr_fogel@inbox.ru